

Александра Ушакова

Ягиня из Бухгалтерии. Корни

Александра Ушакова
Ягиня из Бухгалтерии. Корни
Серия «Ягиня из бухгалтерии.», книга 7

<https://litres.ru/73206056>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Кощей ведёт бухгалтерию мироздания. Алия — его лучшая и самая опасная статья расходов».

Беловолосая Алия не колдует стихами — она заключает сделки. Её магия: холодный расчёт и «бухгалтерия реальности». Но когда из небытия возвращается мать, а сам Кощей объявляет её долг просроченным, привычные схемы рушатся. Ценой становится семья, любовь к воину Святомиру и сама её душа.

Городское фэнтези, где славянская мифология встречается с финансовыми метафорами. Драма семьи, приправленная юмором кота-архивариуса и войной с бессмертным бухгалтером. Выбор прост: найти loophole в договоре с Вечностью или стать следующим нулём в его балансе.

Содержание

Глава. Нулевой Баланс	4
Глава 1. Заккрытие счетов	16
Глава 2. Золотой занавес	32
Глава 3. Двойная бухгалтерия	43
Глава 4. Семейный совет	51
Глава 5. Путь в Башню	62
Глава 6. Зелёный Дуб	70
Глава 7. Рыжая помощь	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Александра Ушакова

Ягиня из

Бухгалтерии. Корни

Глава. Нулевой Баланс

Пролог. Долг

Ноябрь 1992 года выпал снежным и тревожным. Город, ещё не отошедший от лихорадки перемен, казалось, замер в ожидании чего-то большего, чем просто зима. Ветер гулял по пустынным улицам, гоняя обрывки газет и редких прохожих, завывал в телефонных проводах, и этот вой был похож на голос потерянного мира, который никак не мог найти своё место в новой реальности. Снег падал крупными, тяжёлыми хлопьями, но не задерживался на асфальте – таял, превращаясь в грязную, ледяную кашу, в которой отражались жёлтые огни редких фонарей. Город болел. Город перерождался. И в этой боли, в этом перерождении, было что-то от древних, забытых ритуалов, когда старое умирало, чтобы дать место новому, но никто не знал, будет ли это новое лучше.

Геннадий Назаров стоял перед казённым зданием детско-

го дома на окраине, сжимая в своей большой, привыкшей к дерзкой магии руке маленькую ладонь дочери. Его пальцы, когда-то способные удерживать молнии и чертить руны, способные останавливать порождения Отката одним движением, сейчас дрожали – не от холода, а от того, что он знал. Это последний раз, когда он держит её за руку. Здание за его спиной было типичным для той эпохи – серое, пятиэтажное, с облупившейся штукатуркой и узкими окнами, за которыми угадывалась казённая, безликая жизнь. Оно казалось огромным, пугающим, и Геннадий чувствовал, как его дочь, его маленькая девочка, сжимается рядом с ним, как зверёк, чувствующий опасность.

Алия прижалась к его ноге, молчаливая и слишком взрослая для своих пяти лет. Её чёрные, в материнский цвет, волосы трепал ветер, и она не плакала. Не плакала уже три дня, с того самого момента, как он сказал ей, что мама ушла. Возможно, она просто не понимала до конца, что значит «ушла». Или, что страшило Геннадия больше, понимала слишком хорошо. Её глаза – серые, глубокие, с проблеском той самой древней силы, которая текла в их крови, – смотрели на отца с немим вопросом, который она не могла задать словами, но который он слышал яснее любого крика: «Почему? Куда ты меня ведёшь? Вернёшься ли ты?»

Он мысленно повторял имя Ады, как заклинание, как последнюю нить, связывающую его с миром, где ещё есть свет. Ада. Его Ада. Его судьба, вышедшая к костру из чащи с гла-

зами цвета грозового неба и смехом, заставлявшим забыть, что леший водил их отряд две недели по кругу. Он вспоминал её – не фотографию, не портрет, а живую, настоящую: её чёрную, тяжёлую косу, которая пахла полыньёю и лесом; её руки, сильные и нежные одновременно, которые могли и исцелить, и убить; её голос, низкий, с хрипотцой, которым она пела древние песни у костра, когда отряд засыпал, а магия стихала. Она была силой, поэзией, живой магией старого мира. Той самой магией, которую новый мир, мир цифр, договоров и учётных записей, пытался загнать в клетку, переписать в реестры, сделать предсказуемой и безопасной.

И она исчезла.

Не погибла – пропала. Это было разное. Смерть можно было осмыслить, оплакать, поставить крест и продолжать жить с болью, которая со временем тупеет, превращаясь в ноющую, привычную тяжесть. Но пропажа – это открытая рана, это вопрос без ответа, это надежда, которая разъедает душу медленнее, чем безнадёжность, но куда мучительнее. Она пропала на границе миров, исследуя зыбкую пустоту «Отката» – того самого катаклизма, который несколькими годами ранее смешал слои реальности, открыв дорогу существам из сказок и кошмаров, сделав магию не исключением, а частью повседневности. От неё не осталось даже эха магии, лишь холодный официальный листок, где стояло слово «смерть» и сухая печать Триумвирата – той самой организации, которая пыталась навести порядок в новом, хаотичном

мире. Геннадий не верил. Он чувствовал иначе. Магия не исчезает бесследно – она преобразуется, переходит в долг. И её долг теперь висел на нём. На его плечах, на его сердце, на его крови, которая с каждым днём становилась всё тяжелее, всё чужероднее, будто в ней что-то прорастало, требуя выхода, требуя платы, требуя завершения.

Но больший долг был у него перед девочкой, чью руку он держал. Девочкой, которая не понимала, почему папа уходит её из дома, где пахло мамой, где на столе ещё стояла её кружка – глиняная, с трещиной на ручке, которую Ада так и не успела заменить, – где в углу лежал её гребень – серебряный, с выпавшими зубцами, который Геннадий так и не смог выбросить. Дом, их дом, был не просто зданием. Он был живым существом, хранителем памяти, и сейчас, когда Геннадий запирал дверь в последний раз, ему показалось, что стены вздохнули – тихо, обречённо, как вздыхают старики, когда понимают, что их покидают.

Он опустился на корточки перед дочерью, чувствуя, как хрустнули колени. Сорок два года – не возраст для мага его уровня, но тело его было не просто телом. Оно было сосудом. Сосудом для крови Назаровых, которую сам Кощей когда-то вплёл в свою систему учёта, сделав род частью бесконечного баланса мироздания. Кровь Назаровых была не просто кровью – она была активом, вложением, которое должно было приносить проценты, и эти проценты платились веками. Геннадий чувствовал это каждой клеткой: как его внут-

ренная сила – буйная, неструктурированная, настоящая магия старой крови, которая помнила времена, когда не было ни законов, ни договоров, ни самого Кощея, – вступала в конфликт с той холодной, математической логикой, которую в него имплантировали, сделав частью механизма. Он был живым существом, но его превращали в инструмент. И инструмент изнашивался.

Хруст в коленях был не просто старческим скрипом – это были трещины в его собственном балансе, предупреждение, что срок службы подходит к концу.

«Она должна стать частью этого времени, – сухо, будто отчитываясь сам себе, думал он, глядя в серьёзные серые глаза дочери. – Фиксированной, предсказуемой точкой в текущем моменте. Пока она со мной – она маяк для всего, что охотится за её кровью. За наследием, которое она даже не осознаёт. Я – её щит. Но щит треснул. Нужно передать её туда, где её не найдут. Где её не будут считать активом. Где она сможет стать просто... человеком».

Он чувствовал взгляд. Не живой, а словно взвешивающий, учитывающий, оценивающий. В грязном окне подъехавшей «Волги» – старой, потрёпанной машины, которая, казалось, сама была частью этого умирающего мира, – в отблеске луны на луже, в собственном зрачке, когда он посмотрел на тёмное стекло машины – везде, где была гладкая поверхность, способная отражать, там таилось присутствие. Зеркала мира стали глазами Архивариуса. Кощей наблюдал.

Не из любопытства – из потребности. Алия была переменной в его уравнении, и он хотел знать, где она будет находиться в следующий период отчёта.

Геннадий не видел его, но знал: Кощей ждёт. Ждёт, когда Геннадий сломается, когда его тело, это изношенное наследие, перестанет справляться с двумя несовместимыми сущностями – живой магией предков и мёртвой логикой системы. Ждёт, чтобы забрать то, что ему причитается по праву первого вкладчика.

Голос донёсся не снаружи, а изнутри, отражённый в его собственном зрачке, смотрящем на окно машины. Он был таким же, как всегда: ровным, бесстрастным, не терпящим возражений, как параграф закона, высеченный в камне, как формула, которую нельзя оспорить, как сама истина, которая не нуждается в доказательствах.

«Мне требуется новый актив. Незаконченный проект требует завершения. Она – оптимальный ресурс. Отдай её».

В словах не было угрозы. Была констатация, калькуляция. Как бухгалтер, требующий недостающую сумму. Как кредитор, напоминающий о просроченном платеже. Как аудитор, который не принимает оправданий, потому что оправдания не имеют веса в его системе. Геннадий знал это чувство – когда ты должен, и тебе не оставляют выбора, кроме как отдать самое ценное, чтобы спасти остальное. Он сам был кредитором и должником в разных ипостасях, он сам подписывал договоры, которые меняли судьбы, и теперь пришло время

платить по своему собственному счёту.

Сердце Геннадия, это изношенное наследие, сжалось в ледяной ком. Его рука, всё ещё держащая маленькую ладонь Алии, дрогнула. Он почувствовал, как её пальцы – маленькие, хрупкие, но с цепкостью, которая была ей не по годам, – сжались в ответ, будто она чувствовала, что происходит что-то непоправимое. Но голос его, когда он заговорил, был тих и твёрд, как сталь клинка, который он больше не сможет поднять, как заклинание, которое произносят один раз и никогда не повторяют.

«Нет. Её – не отдам. Забери меня. Списание старого актива в обмен на неприкосновенность нового. Закрой счёт».

Тишина была оглушительной. Даже ветер, казалось, замер, прислушиваясь к тому, как пересчитываются судьбы, как падают костяшки на невидимых счётах, как скрипит перо по пергаменту в той самой Башне, где хранятся все договоры мира. В отражении на стекле что-то дрогнуло – не лицо, а сама картинка мира, будто кто-то перелистнул страницу в гигантской ledger book, Книге Учётной Реальности, где каждый человек, каждый дух, каждый бог был просто строкой, активом или пассивом, дебетом или кредитом. Молчание повисло в воздухе, густое и тяжёлое, как подпись под договором, которую нельзя отозвать, как кровь, которая пролилась и не может вернуться в жилы.

«Принято. – Голос Кощея стал ещё тише, но от этого не менее весомым. – Актив "Геннадий Назаров" переходит в

распоряжение Эмитента. Актив "Алия Назарова" получает временный иммунитет. До востребования. Условия иммунитета: стандартная изоляция от магического сообщества, отсутствие обучения в структурах Триумvirата до наступления совершеннолетия по законам смертных. Нарушение условий влечёт автоматическую активацию долговых обязательств».

Отражение растворилось, стало просто грязным стеклом, в котором отражался унылый двор, серое небо и две фигуры – большая и маленькая. Давление, сковывавшее каждую клетку Геннадия, исчезло. Вместе с ним ушла последняя сила. Он чувствовал, как что-то внутри него – тот самый странный, чужеродный механизм, вплетённый в его кровь, – затихает, сворачивается, уходит в спячку. Он стал просто человеком. Уставшим, больным, пустым.

Геннадий медленно, будто преодолевая невероятную тяжесть, опустился на корточки перед Алией. Его седеющие виски были мокры от пота, несмотря на холод – холод, который шёл не снаружи, а изнутри, от того самого места, где только что был его долг, его сила, его связь с системой. Он взял её лицо в ладони – такие маленькие, такие холодные, такие родные – и заглянул в серые, слишком умные глаза. В них не было страха. Было только ожидание. Ожидание, что отец сейчас скажет что-то, что всё объяснит, что сделает этот странный, пугающий день понятным и правильным. Но Геннадий не знал таких слов. Все слова, которые он знал, были

словами договоров, учёта, баланса. А слов для этого момента не существовало в его словаре.

«Лия, слушай. – Его голос дрогнул, но он заставил его звучать ровно. – Папе нужно... уйти в командировку. Надолго. Очень надолго. Ты будешь здесь. Будешь сильной. Не показывай, что видишь больше других. Запомни: твой дом – там, где тебя ждут. Не там, где стены. А там, где есть те, кто помнит тебя. Я...»

Он не нашёл слов. Все поэзии мира ушли с Адой. Осталась только бухгалтерия: актив, пассив, баланс. Он обнял её, вдохнул запах детских волос – запах молока, мыла и чего-то ещё, что было только её, Алии, – и вложил в это объятие всё, что мог: свою силу, свою память, свою любовь. Не как магию – магия ушла, опустела, свернулась в ту самую точку, где больше не было ничего, – а как последний капитал, который он переводил на её счёт. Как вексель, который она сможет предъявить миру, когда вырастет. Как обещание, что он вернётся. Или не вернётся, но она будет знать: она была нужна. Она была любима. Она была его дочерью.

Потом встал. Не оглядываясь. Если бы он оглянулся, он бы не ушёл. А ему нужно было уйти. Чтобы она жила. Чтобы монета, которую он сейчас, незаметно, сунул в карман её курточки, сработала как якорь – не для неё, для мира. Чтобы все, кто мог бы её забрать, увидели на ней метку уплаченного долга и прошли мимо. Монета была старой, потёртой, с вытертым профилем – казалось, на ней был изображён

римский император, но черты его стёрлись, превратившись в нечто безликое, архетипическое. Но Геннадий знал: это не просто монета. Это – платёжное средство высшего номинала, выпущенное в единственном экземпляре, и теперь оно принадлежало ей.

Он пошёл к машине. Его плечи, некогда могучие, способные удерживать боевую стойку часами, теперь были пусты и ссутулены. Шаги его были тяжёлыми, как у человека, который несёт на себе невидимый груз, и этот груз был тяжелее любых доспехов. Он не вернулся домой. Он отправился платить по векселю – в ту самую Башню, где в золотых грессбухах уже ждала его новая, пустая страница.

А маленькая девочка стояла на пороге детского дома, чувствуя, как в кармане её платья теплеет странная монетка с вытертым лицом, оставленная отцом на прощание. Она не знала, что это такое, но почему-то не могла разжать пальцы, когда хотела выбросить её. Монета была тяжёлой. Тяжелее, чем всё, что она держала в руках до этого. Она была холодной, но грела. Она была чужой, но казалась родной. Она была первой записью в её будущем, бесконечно сложном балансе.

За её спиной, в тёмных окнах детского дома, мелькнули тени – другие дети, такие же потерянные, такие же оставленные. Но Алия не обернулась. Она смотрела вслед машине, которая увозила её отца, и в её глазах, этих серых, слишком взрослых глазах, не было слёз. Было только обещание. Обещание, которое она дала самой себе, даже не зная, какие сло-

ва для этого нужны.

И где-то в зеркальной глубине мира, холодный разум, лишённый эмоций, но обладающий бесконечным терпением, вносил новую запись в бесконечный реестр. Его пальцы – костяные, сухие, униженные перстнями, в которые были вправлены осколки застывшего времени, – выводили слова на пергаменте, который не горел в огне, не мок в воде, не старел в веках. Пергамент был сделан из кожи существа, которое помнило начало всего, и чернила, которыми он писал, были слезами тех, кто оплакивал невозвратное.

«Эксперимент "Наследник". Фаза первая: изоляция и наблюдение. Переменная "Отец" – исключена из активного оборота. Переменная "Дочь" помещена в стандартную среду обитания смертных. Ожидание роста переменной. Оценка потенциала: высокая. Риски: нестабильность эмоционального фона, возможная активация наследственных признаков до достижения заданных параметров. Рекомендация: мониторинг пассивный, без вмешательства».

Он отложил перо. Золотые глаза, лишённые зрачков, смотрели на страницу, где слова уже вплавлялись в структуру реальности, становясь не просто записью, а законом. Кошечей Бессмертный, Архивариус, Хранитель Баланса, Принцип Порядка, улыбнулся. Это была не улыбка живого существа – это было движение мышц, подчиняющихся не эмоциям, а необходимости. В его системе появилась новая переменная. И он будет ждать. Он умел ждать. Он ждал века.

А где-то на границе реальностей, в месте, где даже законы Кошечья теряли силу, где «Откат» обнажил древние, досозданные слои бытия, тихо звенел на ветру серебряный гребень – единственное, что осталось от женщины с глазами грозового неба. Гребень падал, вращаясь, сквозь слои пустоты, и его звон был похож на обещание. Или на отсрочку по неуплаченному долгу. Или на тот самый вопрос, который однажды задаст девочка, выросшая в мире цифр и договоров, но несущая в крови древнюю, неподвластную учёту магию.

Вопрос, который изменит всё.

Глава 1. Заккрытие счетов

Утро 2018 года в доме Алии Назаровой начиналось не с будильника, а с голоса Ольги, которая, несмотря на все магические катаклизмы, угрозы со стороны снежных делегатов и визиты самого Кощея, продолжала свято верить, что завтрак – это основа основ, фундамент, на котором держится любой дом, любая семья, любая, даже самая хрупкая реальность. Ольга была домовым – не тем мелким духом, что прячется за печкой и шуршит по ночам, а Хранительницей Очага в самом высоком, самом древнем смысле этого слова. Она была душой этого дома, его сердцем, его памятью, и её голос, звонкий и требовательный, был тем самым якорем, который удерживал всех обитателей в реальности, не давая им утонуть в магии, в долгах, в бесконечных балансах.

«Вставай, касатушка!» – донеслось из-за двери вместе с запахом свежего кофе, жареного хлеба и чего-то неуловимо-домашнего, что невозможно было описать словами, но можно было только чувствовать. Этот запах был сложным, многогранным: в нём смешивались ароматы вишнёвого варенья, которое Ольга варила по своему секретному рецепту, топлёного молока, корицы и ещё чего-то, что пахло детством, безопасностью, теплом. «Блины стынут, варенье вишнёвое ждёт, а ты всё спишь! Негоже хозяйке дома нежиться, когда дел неуправот!»

Алия открыла глаза и несколько секунд просто смотрела в потолок, собирая себя по кусочкам после сна, который был полон странных, смутных образов. Потолок в её комнате был не простым – он был расписан старыми, древними узорами, которые Ольга когда-то вывела серебряной нитью, вплетая в них заклинания защиты и спокойного сна. Узоры мерцали в утреннем свете, переливались, и в них, когда смотришь достаточно долго, можно было увидеть лица – неясные, расплывчатые, с закрытыми глазами, как у спящих.

Ей снился зелёный луг, усыпанный ромашками, и женщина с чёрной, как смоль, косой до пояса, в простой белой рубашке, вышитой по вороту и рукавам красными и чёрными нитями. Мама. Она не помнила её лица в реальности – лишь смутный образ, запах полыни и тепла, который невозможно было спутать ни с чем. Но во сне оно было ясным, улыбочивым, полным безмятежности, которой не было в их мире после Отката. Мама что-то говорила, протягивая ей цветок – полевой, с тонкими, почти прозрачными лепестками, – но слова терялись в шелесте травы и далёком, беззаботном жужжании шмеля. Алия тянулась к цветку, но он ускользал, отдалялся, и она чувствовала, как её наполняет странная, тягучая печаль – не от потери, а от невозможности удержать то, что было так близко.

Она села на кровати, провела рукой по лицу, отгоняя остатки сна, и посмотрела на свои пальцы. На безымянном пальце левой руки по-прежнему сияло кольцо Яна – тонкое,

золотое, с едва заметной царапиной на внутренней стороне, которую оставил его ноготь, когда он снимал его в последнем, отчаянном движении умирающей воли. Кольцо было тёплым. Оно всегда было тёплым, когда она просыпалась, будто Ян, где-то там, в сумрачных владениях Мары, помнил о ней. Или, может быть, она сама согревала его своим теплом, своей памятью, своей надеждой.

Она не носила его как украшение. Она носила его как обещание. Как долг. Как напоминание о том, что не всё потеряно, даже если кажется, что мир рухнул и никогда не соберётся вновь.

Кольцо было простым – без камней, без гравировки, только гладкое золото, которое блестело в утреннем свете, падающем из окна. Но в его простоте была сила. Это было кольцо-договор, кольцо-клятва, и Алиа чувствовала его тяжесть каждый раз, когда смотрела на него.

За окном, в саду, который Ольга содержала в идеальном порядке, несмотря на то, что в нём уже давно не росло ничего съедобного, только странные, магические растения, подаренные Хозяйкой Медной Горы и привезённые из Седьмого царства, щебетали птицы. Сад был странным – не таким, как у соседей. Вместо яблонь и груш здесь росли кусты с серебристыми листьями, которые шелестели даже без ветра, травы, которые светились в лунном свете, и цветы, которые раскрывались только в полдень, источая аромат, от которого кружилась голова. Ольга ухаживала за ними с той же забо-

той, с какой ухаживала бы за обычными грядками, и в этом было что-то трогательное – её умение превращать магию в домашнее, уютное, привычное.

Настоящие, живые птицы, которые, казалось, не замечали, что живут в доме, где зеркала иногда показывают не отражение, а другие миры, где по коридорам ходит богатырь в доспехах, а в кресле у камина дремлет кот, говорящий на десятках языков, включая мёртвые, вили гнёзда в ветвях магических деревьев, выкармливали птенцов, и это было так успокаивающе-нормально, что Алия каждый раз, слыша их, чувствовала, как напряжение, копившееся в ней за дни, полные опасностей и расчётов, отпускает. Птицы не знали о долгах, о балансах, о Кошечке – они просто жили, и в их простой, незамысловатой жизни было что-то, чему можно было позавидовать.

Она потянулась, хрустнув позвоночником. Спала она в старой футболке и свободных штанах – никакой ночной рубашки, которую Ольга пыталась ей навязать, ссылаясь на то, что «девушка должна спать в приличном виде, а то вдруг нечисть ночью заглянет, а ты как чучело огородное». Алия не боялась нечисти – в её доме, под защитой Святомира, Ольги и хитрого, как сам чёрт, Ивса, нечисть бывала редко. Но футболка была удобнее. И в ней было что-то от той, прежней Алии, которая жила в маленькой квартирке, ходила на работу в IT-компанию, пила кофе с коллегами и думала, что самое сложное в её жизни – это сдать отчёт по проекту

вовремя. Та Алия казалась теперь почти чужой, как далёкая родственница, с которой когда-то были близки, а теперь видятся раз в год.

Из коридора донеслись сдержанные голоса и звук, похожий на лёгкий звон хрусталя. Святомир и Ивс что-то вешали в простенке между гостиной и прихожей. Зеркало. То самое, которое прислала Хозяйка Медной Горы через верных духов, – огромное, в полстены, в раме из чёрного дуба, инкрустированной серебром, которое не просто блестело, а поглощало свет, заставляя смотреть в свою глубину снова и снова, будто там, за стеклом, было что-то важное, что-то, что ждало.

Алия накинула халат – шёлковый, тёмно-синий, подарок Ольги на прошлый Новый год, – и вышла в коридор, чувствуя, как ступни касаются тёплого деревянного пола, который домовая натирала воском каждую субботу, даже если в доме не было гостей. «Чистота – залог здоровья, – говорила она. – И не только телесного, но и духовного. В грязном доме и мысли грязные заводятся». Пол был тёплым, гладким, с едва заметными следами времени – царапинами, потёртостями, которые помнили шаги многих поколений. В этом доме каждый предмет, каждая половица, каждый угол имели свою историю, свою память, и Алия чувствовала эту память кожей, когда ходила босиком.

Святомир, огромный, как скала, в своей неизменной рубахе с широкими рукавами, перехваченной ремнём, стоял,

придерживая раму, пока Ивс – чёрный, пушистый, в своём любимом жилете, который Ольга сшила ему из старого бархата, – подкручивал крепления. Жилет был тёмно-зелёным, с серебряными пуговицами, на которых были выгравированы крошечные дубы, и сидел он на Ивсе с той особенной, кошачьей элегантностью, которая была ему свойственна. Ясный, её питомец, уже окончательно утвердивший своё право на новое кресло в гостиной, сидел на подоконнике и наблюдал за процессом одним прищуренным изумрудным глазом, всем своим видом выражая глубочайшее безразличие. Но Алия знала: Ясный следит. Он всегда следил. Его изумрудный гребень, который он мог распускать в моменты опасности, был сейчас аккуратно прижат к голове, но кончики перьев на загривке чуть топорщились. Он чувствовал магию. И она ему не нравилась.

«Левее, Ивс. Миллиметр. Вот. Держи».

«Оно же... живое?» – голос Ивса звучал неуверенно, что было на него непохоже. Кот-архивариус, обычно такой самоуверенный и насмешливый, сейчас стоял на задних лапах, вытянувшись в струну, и его жёлтые глаза, в которых обычно плясали искорки лукавства, были серьёзны. Он что-то чувствовал – то самое, что чувствовал Ясный, то, что заставляло его шерсть топорщиться, а хвост – нервно подрагивать.

«Стабильное, – лаконично ответил Святомир, и в его голосе прозвучала та уверенность, которая не терпит возражений. Он закончил с креплениями, отступил на шаг, окинул

зеркало взглядом опытного воина, оценивающего не красоту, а надёжность, и кивнул. – Хозяйка знает, что делает. Это не подарок. Это... инструмент. И защита».

Алия подошла ближе. Зеркало было от пола до потолка, и в его чёрной, глубокой глади она увидела не своё отражение, а что-то другое. Сначала ей показалось, что там, за стеклом, – ночь, беззвёздная и безлунная, какая бывает только в горах, где нет ни огней, ни дорог, ни людей. Но потом, когда она смотрела достаточно долго, в глубине начали проступать очертания – горные вершины, покрытые снегом, который не таял никогда, и в этом снеге, если прищуриться, можно было разглядеть лица. Неясные, расплывчатые, с закрытыми глазами, как у спящих. Это были владения Хозяйки Медной Горы – той самой, что спала сейчас в своих недрах, видя сны, которые могли изменить мир. Сны о камне, о глубине, о том, что было до людей, до богов, до самого времени.

«Это...» – начала она, но Ивс, спрыгнув на пол и отряхнув лапы, перебил её.

«Это зеркало Хозяйки. Оно смотрит в её владения. И через него она может смотреть на нас. И защищать. Или... – он запнулся, подбирая слова, – предупреждать».

«Или наблюдать», – закончил за него Святомир, и в его голосе прозвучала тень неодобрения. Он не любил, когда за его спиной следят. Даже если это делает могущественная покровительница его ученицы. «Но пока оно здесь – ни один незванный гость не войдёт в дом через зеркальные поверхно-

сти. Это барьер».

Алия кивнула, принимая информацию к сведению. Её аналитический ум, привыкший всё раскладывать по полочкам, уже начал выстраивать схему: зеркало как пассивная защита, как канал связи, как потенциальная уязвимость. Всё в этом мире было балансом. Каждый актив имел свою цену, каждая защита – свою слабость. Она мысленно перебирала варианты, просчитывала риски, и в этом процессе, в этом холодном, расчётливом анализе, она находила успокоение. Когда мир вокруг терял определённую, цифры и схемы оставались надёжными, предсказуемыми, понятными.

«Завтрак!» – раздался звонкий голос Ольги из кухни, и запах свежих блинов, который до этого витал в воздухе, стал вдруг осязаемым, почти съедобным. «Идите, пока не остыло! А ты, Алиюшка, умывайся да причёсывайся, а то сидишь, растрёпанная, как кикимора болотная!»

Алия улыбнулась, чувствуя, как напряжение, сковавшее плечи, отпускает. Дом. Завтрак. Ольгино ворчание. Это было её настоящей магией – той, которая не требовала ни заклинаний, ни артефактов, ни договоров с древними существами. Просто тепло, еда, голоса близких. Она ушла умываться, оставив Святомира и Ивса доспоривать о тонкостях магической защиты. Ясный, проводив её взглядом, снова прикрыл глаза, но гребень его не опустился до конца. Он чувствовал что-то. Что-то, что витало в воздухе, как запах грозы перед бурей.

В ванной, которая была маленькой, но уютной, с окном, выходящим в тот самый сад, где росли магические растения, Алия умылась холодной водой, чувствуя, как капли стекают по лицу, смывая остатки сна. В зеркале над раковиной – обычном, не магическом, которое Ольга протирала каждое утро, – отражалась девушка с белыми волосами. Белыми, как первый снег, как седина, которая приходит не от возраста, а от тяжести. «Парик», – говорила она коллегам на работе, и они верили, потому что кто бы мог подумать, что белые волосы – это не дань моде, а знак, метка, напоминание о крови, которая текла в её жилах.

Она расчесала волосы гребнем из тёмного дерева – простым, без украшений, но тёплым на ощупь, – и собрала их в тугой хвост. В зеркале отражались её глаза – серые, с холодным, аналитическим блеском, который пугал некоторых и восхищал других. Глаза бухгалтера. Глаза аудитора. Глаза той, кто видит в мире не красоту, а баланс.

Завтрак был, как всегда, обильным и неспешным. Кухня в доме Алии была самым тёплым местом – не потому, что там всегда горела печь, а потому, что там всегда пахло едой, и этот запах был магией, которая не поддавалась учёту. Стол был накрыт льняной скатертью, которую Ольга вышивала своими руками, и на ней, среди тарелок и чашек, стояли вазочки с вареньем, мисочки со сметаной, стопки блинов, которые домовая пекла с утра пораньше.

Ольга, раскрасневшаяся от жара печи, носилась вокруг

стола, подкладывая то блинов, то сметаны, то вишнёвого варенья, которое она варила сама, по какому-то древнему, известному только ей рецепту. Варенье было густым, тёмно-красным, с целыми ягодами, которые таяли на языке, оставляя после себя сладкое, терпкое послевкусие. Ивс, устроившись на отдельной подушке, с достоинством ел из своей миски, изредка поглядывая на зеркало, которое теперь висело в коридоре, и в его жёлтых глазах читалось что-то, похожее на тревогу. Он ел неспешно, с той особенной, кошачьей грацией, которая была ему свойственна, но его усы, обычно такие расслабленные, сейчас были напряжены, а хвост, который он обычно держал высоко, лежал на подушке, прижатый к боку.

Святомир сидел во главе стола, его огромная фигура занимала пол-лавы, и он с методичностью, достойной лучшего ученика воинской академии, поглощал блины, намазывая их сметаной и вареньем одновременно, что Ольга называла «варварством», но тарелку не отнимала. Его лицо, обычно такое суровое, было сейчас спокойным, почти безмятежным, и только в глазах, стальных, как его меч, читалась та самая готовность, которая была его сутью. Он был Стражем Врат, последним рубежом между порядком и хаосом, и даже за завтраком он оставался на посту.

Алия, уже одетая в джинсы, кремовый топ и джинсовую куртку, пила кофе и мысленно составляла список дел на день. Кофе был крепким, чёрным, с кардамоном и корицей

– Ольга заваривала его по-особенному, так, что запах разносился по всему дому, пробиваясь даже сквозь запах блинов. Надо зайти на работу и окончательно уволиться. Закрывать этот счёт. Она знала, что откладывать бессмысленно. Учёба в Академии, которая теперь занимала всё её время, запросы от Триумvirата (вернее, от тех его частей, что ещё функционировали после того, как Кощей начал свою игру), обязанности Стража, которая была не должностью, а призванием – всё это требовало полной отдачи. Старая жизнь, с её коворкингом, митапами, дедлайнами и офисными интригами, стала не просто недоступной роскошью. Она стала уязвимостью. Посторонние могли задавать вопросы. А вопросы в её новом мире часто вели к долгам, а долги – к расплате.

«Я уйду через час», – сказала она, отставляя чашку. Звук фарфора, коснувшегося дерева, был тихим, но в тишине кухни он прозвучал как приговор. «Надо подписать бумаги, сдать пропуск, забрать трудовую».

В комнате повисла тишина. Ольга перестала греметь посудой. Ивс оторвался от своей миски. Даже Ясный, дремавший на подоконнике, открыл один глаз.

«Ты уверена?» – спросил Ивс, и в его голосе прозвучала та осторожность, с которой он обычно задавал вопросы о личной жизни, стараясь не вторгаться в чужие границы. Он знал, что этот разговор был для неё тяжёлым, и не хотел делать его ещё тяжелее.

«Уверена, – ответила Алия, и её голос был твёрже, чем

она чувствовала себя на самом деле. – Это... завершённый этап. Я не могу больше делить себя на две части. На ту, что считает баги, и ту, что считает баланс между мирами. Я сделала выбор».

Святомир, который до этого молча жевал, поднял на неё свои стальные глаза. В них не было одобрения или неодобрения – была оценка. Он смотрел на неё как на воина, принимающего решение перед битвой, и в его взгляде было что-то, что заставляло чувствовать себя увереннее, даже когда уверенности не было.

«Хорошо, – сказал он коротко. – Зеркало настроено на порог. Никто чужой не войдёт. Но... – он сделал паузу, и в его голосе прозвучала та особенная, командирская нотка, которую Алия научилась распознавать как предупреждение, – осторожнее с отражениями на улице. Снежные не успокоились. Им нужен повод. Не давай им его».

Алия кивнула. Снежные делегаты – Снегурочка и Снежный Принц – после событий в гнезде Жар-Птицы и вмешательства Кощея, который забрал Жечу себе, затаились. Но они не ушли. Они ждали. Их присутствие в Академии, их вежливые, полные скрытых угроз улыбки, их холодные, оценивающие взгляды были постоянным напоминанием о том, что мир не стал безопаснее. Он просто замер в ожидании.

Она встала, взяла со стола яблоко – Ольга всегда клала ей в сумку что-то съестное, даже когда она выходила на час, – и направилась к выходу. Яблоко было красным, налитым, с

тонкой, почти прозрачной кожицей, и оно пахло садом – тем самым, обычным, не магическим садом, которого у них не было. На пороге остановилась, обернулась.

«Я вернусь к блинам», – сказала она, и в её голосе, несмотря на всю деловитость, прозвучала та нотка тепла, которую она позволяла себе только здесь, в этом доме. Только с ними.

«Возвращайся, птишка», – отозвалась Ольга из кухни. – «Блины подогреем».

Она вышла на улицу, и летнее тепло обняло её, как давний, но уже чужой знакомый. Июль 2018 года выдался жарким, даже для Екатеринбурга. Воздух был сухим и звонким, в нём пахло бензином, нагретым асфальтом и пылью – запахами города, в котором она выросла, который знала до последней трещины на тротуаре, но который теперь казался ей декорацией, за которой пряталось нечто большее. Город был живым, дышащим, и в его дыхании, в его шуме, в его суете было что-то от той самой, обыденной магии, которую она начинала ценить только теперь, когда почти потеряла её.

Она шла по знакомому маршруту: от дома, спрятанного в одном из старых дворов, где магия Ольги и защита Святомира делали его невидимым для посторонних, до метро, потом автобус, потом стеклянный офисный центр на Плотинке. Дом был невидим для посторонних – не потому, что его скрывала магия иллюзий, а потому, что он был частью самого города, его плотью, его памятью, и только те, кто знал, куда смотреть, могли его увидеть. Каждый шаг отдавался

эхом в двух реальностях. В одной – она просто девушка с белыми волосами («парик», говорила она коллегам, «просто парик»), идущая увольняться с работы в IT-компанию, где проработала три года. В другой – она, Страж, наследница древнего рода, ученица Хозяйки Медной Горы и «переменная в эксперименте» самого Кощея, выходила на открытое пространство, оставляя зону защищённого периметра, где её могли увидеть те, кто искал.

Она вошла в метро, и эскалатор повёз её вниз, в прохладный, пахнущий бетоном и машинным маслом полумрак. Метро в Екатеринбурге было глубоким – одним из самых глубоких в мире, – и этот спуск вниз, в недра земли, всегда напоминал Алии о том, что под городом есть что-то ещё, что-то древнее, что-то, что не поддаётся учёту. Здесь, среди обычных людей, спешащих по своим делам, она чувствовала себя почти спокойно. Магия в метро была другой – старой, застывшей, влитой в самые стены ещё во время строительства, когда инженеры и не подозревали, что их проекты пересекаются с древними ley-линиями, проходящими под городом. Алия чувствовала эти линии, когда спускалась глубоко, – они пульсировали глухо, ровно, как сердце спящего великана. Они были ей знакомы. Они были её защитой.

В офисе её встретили с лёгким удивлением. Коллеги, с которыми она когда-то пила кофе и обсуждала бесконечные дедлайны, теперь смотрели на неё чуть отстранённо, будто она уже была не совсем их миром. Алия не обижалась. Она

сама чувствовала эту дистанцию.

«Алия! Мы думали, ты уже в другом проекте!» – сказал менеджер, молодой человек в очках, который когда-то пытался за ней ухаживать, но быстро отступил, наткнувшись на её вежливую, но непроницаемую стену. Он был хорошим парнем – умным, добрым, надёжным, – но его мир был слишком маленьким для того, что происходило в её жизни.

«Да, проект закрылся, – ответила она, улыбнувшись той самой, дежурной улыбкой, которая ничего не значила. – Пришла подписать бумаги».

Бумаги об увольнении по собственному желанию были готовы. Она подписала их, не читая – всё равно содержание она знала наизусть, – забрала трудовую книжку, собрала свои немногочисленные вещи с рабочего стола: кружку с надписью «World's Best Programmer» (подарок коллег на прошлый день рождения), блокнот в кожаном переплёте, где она когда-то записывала свои мысли, и зарядку для телефона, которая больше не понадобится, потому что телефон она теперь носила с собой редко.

Каждое действие было чётким, окончательным. Закрытие позиции. Инвентаризация. Передача дел. Бухгалтерия реальности работала даже здесь, в этом стеклянном здании, где никто не знал о магии, о духах, о том, что за окном, за тонкой гранью обыденности, кипит совсем другая жизнь.

Когда она вышла из стеклянных дверей офисного центра в последний раз, у неё странно заломило в висках. Это было

не чувство потери. Это было чувство списания целого пласта жизни. Актив «Алия-разработчик» переводился в архив. Оставался только один, главный баланс.

Она ускорила шаг, неосознанно проверяя тени и блики в витринах. Отражения вели себя нормально. В них была она – девушка с белыми волосами, в джинсовой куртке, с пакетом в руке. Но она знала: достаточно одной трещины в стекле, одного неправильного угла, и отражение могло стать другим. Могло показать то, что было скрыто. Могло стать дверью.

Она свернула в переулок, где было меньше людей, и прибавила шагу. Дом, её настоящий дом, был уже близко. Она чувствовала его тепло, его защиту, его зов. И в этом зове, в этом желании вернуться как можно скорее, было что-то, что она не могла объяснить словами. Тоска по безопасности. Страх перед миром, который становился всё сложнее. И надежда, что там, за порогом, её ждут.

Глава 2. Золотой занавес

Дом встретил её запахом свежих блинов и... неестественной тишиной. Не той тишиной, которая бывает, когда все заняты своими делами, а той, которая возникает, когда что-то происходит – или вот-вот произойдёт, – и каждый, даже самый маленький звук, кажется лишним, опасным. Тишина была густой, тягучей, как смола, и в ней, когда прислушиваешься достаточно долго, начинали слышаться звуки, которых не должно быть: тихий, едва уловимый гул, похожий на работу далёкого механизма, и холодное, ледяное дыхание, которое проникало в самые щели, в самые углы, в самые души.

Алия вошла в прихожую, и первое, что она увидела, была спина Святомира. Он стоял перед зеркалом в гостиной, и его поза была напряжённой, как у зверя, почуявшего чужака на территории. Меч, который он всегда носил с собой, сейчас был в ножнах, но рука лежала на рукояти, пальцы чуть сжаты – готовность к бою, даже когда не видно врага. Его плечи были расправлены, голова чуть наклонена, и во всём его облике было что-то от древних, языческих идолов, которые стояли на страже границ миров.

Ивс сидел на диване, прижавшись к спинке, и его чёрная шерсть была взъерошена, будто его только что прогнали через сухой магический поток. В жёлтых глазах, обычно на-

смешливых и умных, сейчас застыл тот самый страх, который бывает, когда сталкиваешься с чем-то, что не укладывается ни в одну из твоих схем, ни в один из твоих каталогов. Он сжимал в лапах подушку, и его когти – острые, как иглы, – впились в ткань, оставляя маленькие, едва заметные проколы.

Ясный, её верный питомец, стоял на подоконнике, вытянув шею, и его изумрудный гребень был полностью распущен, перья топорщились, придавая ему сходство с древним, разгневанным божеством. Он не издавал ни звука, но его клюв был приоткрыт, и в глубине горла мерцал слабый, зеленоватый свет – магия, готовая выплеснуться в любой момент. Его хвост, длинный и пушистый, бил по подоконнику с глухим, ритмичным звуком, и в этом ударе было что-то от боевого барабана.

Ольга исчезла. Её физическое присутствие растворилось при прямой угрозе Дому – это было её древнее, инстинктивное умение, которым она пользовалась редко, но всегда вовремя. Алия чувствовала её присутствие где-то рядом, в стенах, в полу, в самом воздухе дома, но видеть её было нельзя, пока опасность не минует. Ольга была везде и нигде – она была домом, его душой, его памятью, и сейчас она готовилась защищать его всеми средствами, которые были в её распоряжении.

А зеркало... зеркало изменилось.

Оно, ещё недавно тёмное, глубокое, как горное озеро, те-

перь мерцало. В его глубине, словно под толщей льда, виделось не отражение комнаты, а заснеженная равнина, бескрайняя, пустая, и на ней – две фигуры в сине-белых одеждах, такие далёкие и одновременно такие близкие, будто они стояли за тонкой стеклянной стеной. Снег под их ногами был белым, но не тем белым, который бывает в горах, а мёртвым, безжизненным, как пепел, как память, которая не хочет возвращаться.

Снежный Принц и Снегурочка.

Они не пытались пройти. Они смотрели. Их взгляды, холодные и оценивающие, скользнули по интерьеру гостиной, по съёжившемуся Ивсу, по напряжённой спине Святомира, по Ясному, ошетилившемуся, как боевой петух, и наконец – на вошедшую Алию. В их глазах не было ни гнева, ни враждебности, ни даже того, что можно было бы назвать интересом. Была только оценка. Взвешивание. Калькуляция.

Принц что-то сказал. Беззвучно, только губами. Алия, научившаяся читать напряжение в магических контрактах, в жестах духов и в молчании древних существ, без труда прочитала:

«С возвращением, Наследница. Мы начинаем подсчёт твоих долгов».

Снегурочка, стоявшая чуть позади, коснулась плеча брата – жест, который мог означать что угодно: предостережение, поддержку, приказ отступить. Но её лицо было так же непроницаемо, как и у Принца, и в её глазах, синих, как глубин-

ные разломы в леднике, читалось только одно: холод. Холод, который не знает пощады, потому что не знает тепла.

Зеркало потемнело. Стало просто странным предметом интерьера – чёрным, глубоким, но мёртвым. Но в его глубине, когда Алия смотрела достаточно долго, ещё пульсировал тот самый, ледяной свет, напоминание о том, что за ним кто-то есть.

Тишина в комнате взорвалась голосом Святомира, тихим и опасным:

«Разведка. Они ищут слабые места. Зеркало – не только щит. Оно и канал. Хозяйка... она слишком слаба, чтобы полностью его контролировать. Она спит, а её артефакты живут своей жизнью».

Алия медленно поставила пакет с вещами с бывшей работы на пол. Ещё один счёт был открыт. Снежные делегаты только что внесли в него первую запись. И она, как главный бухгалтер этого безумного дома, уже листала мысленную ledger book, подыскивая статью расходов, чтобы дать им ответный платёж.

«Как долго они смотрели?» – спросила она, и её голос прозвучал ровно, хотя внутри всё кипело. Внутри неё, в том самом месте, где хранились её собственные долги, её собственная боль, её собственная ярость, сейчас разгорался огонь, который она научилась контролировать, но не научилась тушить.

«Несколько минут», – ответил Ивс, и в его голосе прозвуч-

чала та особенная, учёная нотка, которую он включал, когда пытался дистанцироваться от эмоций. «Мы не заметили сразу. Зеркало активировалось, когда ты вышла из дома. Возможно, они ждали именно этого. Твоего отсутствия».

«Они не пытались войти», – добавил Святомир, и в его голосе прозвучало не облегчение, а холодная оценка. «Только смотрели. Оценивали. Изучали».

«Что им нужно?» – спросила Алиа, хотя ответ она знала. Вопрос был риторическим, но она задала его, чтобы услышать ответ от них, чтобы подтвердить то, что уже знала.

«Наследие», – ответил Ивс, и его жёлтые глаза, когда он поднял их на неё, были полны той тяжести, которая была ему не по годам. «Твоё наследие. Твоя кровь. Твоя связь с Кошечем. Они хотят понять, какую цену можно с тебя взять».

В этот момент из-за двери спальни, куда она отступила не от страха, а за инструментом, вынырнула Ольга. В её руках был не клубок, не веник, не половник, а струящийся золотистый покров – не ткань в обычном смысле, а что-то вроде сгустившегося солнечного света, домашнего тепла и запрета на вход. Она держала его так, будто это было самое обычное покрывало, которым накрывают мебель, чтобы не пылилась, но в её глазах, когда она смотрела на него, читалась та самая решимость, которая делала её Хранительницей Очага.

«Ох, батюшки-светы, – выдохнула она, хлопая ресницами на чёрное зеркало, которое снова стало просто зеркалом, но всё ещё хранило в своей глубине холодное, чужое присут-

ствие. – Совсем забыла про эту штуковину! Нет чтобы письмом написать, они прямо в гостиную заглядывают! Хороши гости, нечего сказать!»

Не обращая внимания на напряжённую фигуру Святомира, на бледное лицо Ивса, на ошетилившегося Ясного, она бодро подошла к зеркалу. Её движения были не магическими, а хозяйскими: чёткими, аккуратными, с оттенком праведного негодования, которое она обычно проявляла, когда кто-то входил в дом без стука или не вытирал ноги. В каждом её жесте была тысячелетняя мудрость домовых – тех самых, которые знали, что самый сильный барьер – это не магия, а уют, не заклинание, а привычка, не сила, а порядок.

Она закрепила верхние уголки покрова за серебряные выступы рамы, затем расправила его. Золотистая ткань мягко легла на тёмную поверхность, полностью скрыв её. На ткани, когда она разгладилась, проступил узор – не вышитый, не нарисованный, а как будто вытканый из самого света: сложная вязь, в которой угадывались и обережные символы, и руны, и просто красивые, успокаивающие линии, которые хотелось рассматривать бесконечно. Узор был живым – он пульсировал, дышал, менялся, и в его глубине, когда смотрели достаточно долго, начинали проступать лица – неясные, расплывчатые, с закрытыми глазами, как у спящих.

«Вот так-то лучше, – с удовлетворением сказала Ольга, отряхивая ладони. – Нечего в чужие дома смотреть. Не для ваших ледяных глаз тут припасено. У нас, знаете ли, свои

порядки. Кто с добром – того и хлебом, кто со злом – тому и занавесочку повесим, чтобы глаза не мозолил».

В комнате воцарилась новая тишина. Напряжённая, но уже другого качества. Угроза не была устранена – Снежные по-прежнему были там, за гранью, и их холодные, оценивающие взгляды всё ещё давили на реальность, – но она была накрыта, как накрывают не вовремя поданное, но ещё горячее блюдо, чтобы оно не остыло. Ольгин покров не блокировал канал, не разрушал связь. Он просто говорил: здесь вам не рады. Здесь вы – не гости. Здесь вы – чужие.

Святомир медленно развернул плечи, его рука наконец оторвалась от рукояти меча. Его взгляд оценивающе скользнул с покрова на довольное лицо домового.

«Эффективно, – произнёс он, и в его голосе прозвучало редкое одобрение. – Не барьер, а... занавес. Их связь не разорвана, но теперь они видят только его. Твою работу. Твоё искусство».

Ольга смущённо покраснела, будто её похвалили за идеально вычищенную медную ручку или за правильно сваренный борщ.

«Да чего там, сударь, обычное дело, – сказала она, поправляя фартук. – Чужое любопытство всегда покровом накрывать надо. А то мало ли что им в голову взбредёт. У них, у ледяных, глаза-то зоркие, да только не всё им видеть положено».

Ивс выдохнул, наконец разжав руки, которыми вцепился

в подушку. Его шерсть всё ещё была взъерошена, но страх в глазах сменился чем-то другим – уважением, смешанным с лёгким удивлением.

«И... и всё? Они ушли?» – спросил он, и в его голосе прозвучало то, что бывает, когда ожидаешь взрыва, а вместо него слышишь тишину.

«Ушли-то они и не приходили, милоч, – пояснила Ольга, уже направляясь обратно к своему дивану и облачку пряжи, которая ждала её там, как верный друг. – Смотрели, как в замочную скважину. Ну, а мы им скважину и прикрыли. Теперь пусть любуются на красивую шторку. У меня там ещё парча с райской птицей есть, если опять сунутся. Или бархат с золотыми кистями. Будем наряжать наше зеркальце, как невесту, – пусть завидуют».

Она снова устроилась на своём месте, и Ясный, словно получив сигнал, перестал быть статуей. Он уютно потянулся, расправив крылья, зевнул, демонстрируя внушительный ряд острых, как иглы, зубов, и свернулся калачиком на подоконнике, прикрыв глаза. Его гребень медленно опустился, и зелёное свечение в горле погасло.

Святомир перевел взгляд на Алию. Она стояла у порога, всё ещё сжимая в руке пакет с вещами, и чувствовала, как странное, колющее напряжение в груди отпускает, растворяется, уходит в пол, в стены, в тепло дома.

«Твой час истёк, – сказал он, и в его голосе не было вопроса. Была констатация. – Отчёт?»

«Актив "Работа" закрыт, – чётко ответила Алия, ставя пакет на пол и снимая куртку. Её голос снова приобрёл привычные деловые нотки, которые были её броней, её защитой от хаоса. – Собственные обязательства в том секторе аннулированы. Трудовая книжка на руках. Расчёт получен. Счёт закрыт».

Она замолчала, глядя на накрытое золотым покровом зеркало. Ткань мягко светилась в лучах заходящего солнца, и в её узорах, когда она смотрела достаточно долго, начинали проступать очертания – не лиц, не мест, а чего-то более глубокого, более древнего. Может быть, памяти. Может быть, обещания.

«Теперь внешние обязательства, – продолжила она, и её голос стал тише, но от этого не менее твёрдым. – Это был не просто взгляд. Это была оценка активов. Наших. Они смотрели не из любопытства. Они просчитывали. Сильные стороны. Слабые места. Связи. Зависимости».

«Значит, начинается, – просто констатировал Святомир. Его лицо было каменным, но в глазах, стальных и холодных, вспыхнула та самая решимость, которая делала его Стражем Врат, последним рубежом между порядком и хаосом. – Кошечей бездействует. Хозяйка спит. Триумвират развалился на части, каждый тянет одеяло на себя. Снежные считают нас слабым звеном. Они ошибаются».

«Ошибки в расчётах дорого стоят, – тихо сказала Алия, проходя на кухню, где на столе стояло остывающее тесто для

блинов, прикрытое чистым полотенцем. Она провела пальцем по краю миски, чувствуя под подушечками гладкость глины и остаточное тепло, которое хранила посуда. – Надо сверить данные. И приготовить встречные предложения. Если они хотят играть в аудит – мы им устроим аудит. С проверкой всех статей расхода».

Ольга, уже погружённая в вязание – её спицы двигались с той удивительной быстротой, которая бывает только у тех, кто делает это всю жизнь, – вдруг подняла голову.

«А варенье-то, варенье вишнёвое кто будет пробовать? – спросила она, и в её голосе прозвучало такое искреннее беспокойство, будто от этого варенья зависела судьба мира. – И блины подгорают, птишка моя! Я их в печи держу, но долго не выдержат, засохнут. Идите за стол, все! И ты, медведь, – кивнула она Святомиру, – и ты, учёный, – Ивсу, – и ты, пернатое чудовище, – Ясному. Будем есть, пить, да дела обсуждать. Голодный ум – он, как известно, только о еде и думает, а не о высоких материях».

И в этом, в этом резком переходе от угрозы межмирной войны к подгорающим блинам и вишнёвому варенью, и заключалась вся их сила. Дом стоял. Зеркало было накрыто. Долги, хоть и не отменялись, могли подождать, пока не будет съеден завтрак. Или ужин. Или то, что было между.

Алия улыбнулась, чувствуя, как последние остатки напряжения тают в тепле кухни, в запахе теста и варенья, в привычном ворчании Ольги.

«Иду, – сказала она, садясь за стол. – Блины с вишнёвым – мои любимые».

Глава 3. Двойная бухгалтерия

Алия отправила последнее письмо с подтверждением получения трудовой книжки и откинулась на спинку стула. Экран ноутбука погас, и в его чёрном зеркале на мгновение мелькнуло её отражение – не уставшее, нет, скорее опустошённое, как страница, с которой стёрли все записи. В пальцах теплилась чашка с кофе – Ольга заварила его по-особенному, с кардамоном и корицей, как она любила, – рядом лежала вишнёвая плюшка, маленькая награда за закрытую главу. Всё было очень обыденно. Слишком обыденно для того, кто провёл утро, защищая дом от вторжения через зеркало, а днём закрывал последний счёт своей прошлой жизни.

Она сидела за столом в своей комнате – небольшой, но уютной, с окном, выходящим в старый сад, где Ольга выращивала травы, и с полками, на которых теперь теснились не только книги по программированию, но и фолианты по магии, истории родов, договорам с духами. Комната была её личным пространством, местом, где она могла побыть собой, не надевая маски Стража, Наследницы или ученицы. Здесь, среди этих стен, хранивших тепло её детства, она могла позволить себе слабость – но только ту, которую никто не видел.

Механически она перебирала вещи из картонной коробки: корпоративная флешка с логотипом компании, пара ручек с тем же логотипом, блокнот с полустёртыми заметками

о багах в коде, несколько стикеров с забавными надписями, которые дарили коллеги. Каждая вещь была якорем в той, прошлой жизни, которая теперь казалась такой далёкой, будто прошло не несколько месяцев, а целая вечность. Флешка была маленькой, серебристой, с выгравированным названием компании, которое теперь ничего не значило. Ручки – дешёвыми, пластиковыми, с засохшими чернилами. Стикеры – пожелтевшими по краям, с надписями вроде «Ты справишься!» и «Кофе – это всё». Они были такими земными, такими обычными, такими далёкими от мира, в котором она теперь жила.

Её пальцы скользнули по чему-то холодному и гладкому на дне коробки. Цепочка. Простая, якорная. На ней висела золотая монета, подаренная отцом в тот самый день у детского дома. Она была потёртой, будто её долго носили в руке, перебирали, крутили, думали о чём-то важном. На аверсе – профиль человека в тоге с лавровым венком. Стилизованный, без деталей. Такие монеты чеканили в XIX веке для коллекционеров, подражая античным образцам. Ничего особенного. Просто старый сувенир. Металл был холодным, но под пальцами Алии он вдруг показался тёплым – или это её собственные пальцы остыли от прикосновения к прошлому?

Но сейчас, глядя на него, Алия не видела безликого римлянина. Её память, обострённая недавними столкновениями с древними силами, с магией, которая была старше любого человеческого государства, выдала два других лица. Они на-

ложились на монету, как трафареты, как отражения в мутной воде, как те самые двойные образы, которые видишь на старых фотографиях, когда смотришь слишком долго и начинаешь замечать то, чего не должно быть.

Лицо отца. Измождённое, с глубокой болью в глазах, с морщинами, которые появились не от возраста, а от тяжести, которую он нёс. С невероятной твёрдостью в последний момент, когда он прощался, когда сжимал её в объятиях, а потом уходил к машине, не оглядываясь. Лицо, которое она вспоминала смутно, но чьи черты – разрез глаз, линия скул, форма губ – стали вдруг кристально ясными, будто кто-то проявил старую, выцветшую фотографию в проявителе, который был сильнее времени.

Лицо Кощея. То, что она видела в зеркальных отражениях, в моменты предельной опасности, когда его воля, его порядок, его абсолютная система нависали над ней, как дамоклов меч, как кредитор, напоминающий о просроченном платеже. Холодное, бесстрастное, высеченное из закона, а не из плоти. Совершенное и пугающее. Лицо, которое не имело возраста, потому что возраст для него был такой же абстракцией, как для чисел в grossбухе. И в этом лице, в его геометрии, в его пропорциях, было что-то, что заставляло сердце сжиматься – не от страха, а от узнавания.

И между этими двумя образами возникла трещина, а затем – шокирующая параллель. Форма носа. Изгиб брови. Геометрия черепа. Та же самая кость, те же пропорции, те

же линии, которые не могли быть случайными. Алия смотрела на монету, и в её голове, как в компьютере, запустившем сложный алгоритм, начали складываться цифры, факты, даты. Совпадения. Связи. Закономерности.

Как же они похожи.

Кофе внезапно стал горьким и тяжёлым на языке. Алия опустила чашку. Её рука с монетой застыла в воздухе. Тишина в комнате стала густой, как смола, как тот самый отвар, который Ольга варила от бессонницы, – она давила на уши, на виски, на самые глубины сознания, где хранились ответы на вопросы, которые она боялась задать.

Это не было совпадением. В мире «Бухгалтерии Реальности» совпадений не существовало. Были только неучтённые активы, скрытые пассивы и долги, переходящие по наследству. Если два лица так похожи, значит, между ними есть связь. Не просто кровная – системная. Такая связь, которая записывается не в свидетельствах о рождении, а в тех самых первичных документах, которые Кощей хранит в своей Башне, в тех самых золотых грессбухах, которые никто никогда не видел. Связь, которая не прерывается смертью, потому что для системы смерть – это просто списание, перевод из одной категории в другую.

Монета, которую отец отдал ей как последний якорь, как плату за вход в новую жизнь... что она была на самом деле? Не просто памятью. Не просто «активом», как называл её Кощей. Возможно, авансом. Или... ключом. Или сертифици-

катом на предъявителя, вписанным в ту самую книгу, где её отец был статьёй расхода, а она – долгосрочным вложением. Монета лежала на её ладони, и Алия чувствовала, как металл пульсирует – не теплом, а чем-то другим, чем-то, что было ритмом, сигналом, кодом. Кодом, который она не умела читать, но который чувствовала каждой клеткой.

«Новый актив. Незаконченный проект требует завершения», – эхом прозвучал в памяти тот голос из отражения, голос Архивариуса, обращавшийся к отцу. Холодный, бесстрастный, как всегда. «Она – оптимальный ресурс. Отдай её».

Отец отдал себя. Но что он на самом деле «купил» для неё? Иммунитет? Или лишь отсрочку, время на «доразивание» до нужной кондиции? А эта монета... была ли она просто подарком? Или опознавательным знаком? Сертификатом на предъявителя, который, когда она вырастет, когда станет достаточно сильной, достаточно заметной, можно будет предъявить к оплате?

Ясный, дремавший на подоконнике, внезапно открыл один глаз и уставился на монету в её руке. Зрачок сузился в вертикальную щель, и в глубине изумрудной радужки мелькнуло что-то, чего Алия не могла понять. Не страх. Не интерес. Узнавание. Будто он видел эту монету раньше, в других руках, в другом времени, в другом мире, который был старше любого договора.

«Лия?» – раздался голос Ивса из гостиной. «Святомир

спрашивает, не видела ли ты где...»

Он замолчал на пороге, увидев её лицо. Алия даже не успела его скрыть – на нём застыла не боль, не страх, а чистая, леденящая аналитическая ярость. Ярость бухгалтера, обнаружившего в балансе грандиозную, многолетнюю махинацию. Ярость наследницы, понявшей, что её наследие – не дар, а долг. Ярость женщины, которая только что осознала, что вся её жизнь, все её выборы, все её победы и поражения были учтены, просчитаны, занесены в чужую книгу задолго до того, как она сделала первый вдох.

«Что случилось?» – мгновенно насторожился Ивс. Он вошёл в комнату, бесшумно ступая мягкими лапами по деревянному полу, и встал рядом, его жёлтые глаза впились в монету, которую она всё ещё держала в руке. В его взгляде было что-то от старого, мудрого архивариуса, который видел слишком много артефактов, чтобы удивляться, но достаточно, чтобы знать: некоторые артефакты лучше не трогать.

Алия медленно сжала монету в кулаке. Металл впивался в ладонь, почти живой, почти пульсирующий, почти дышащий. Она чувствовала, как края монеты оставляют на коже едва заметные следы – не царапины, а что-то другое, что-то, что будет проходить не днями, а годами.

«Переоценка активов, – произнесла она тихим, ровным голосом, в котором дрожали только самые глубинные струны. – Только что выяснила, что один унаследованный объект может иметь... двойную бухгалтерию. И принадлежать

не только мне».

Она подняла глаза на Ивса. В её серых глазах плескался не страх, а холодная решимость аудитора, вышедшего на след многолетней, тщательно скрываемой фальсификации. Решимость, которая была старше её самой, которая текла в её крови, которая была её наследием и её проклятием.

«Скажи Святомиру, что мне нужен доступ к самым старым архивам. К тем, что были до Академии. До Триумvirата. Мне нужно проследить происхождение одного векселя. И понять, кто на самом деле является его бенефициаром».

Монета в её руке внезапно показалась невероятно тяжёлой. Тяжелее всей коробки с прошлой жизнью. Тяжелее всех фолиантов, которые она изучила за последние месяцы. Тяжелее всей той боли, которую она носила в себе с пяти лет. Это был уже не сувенир, не память об отце. Это был материальный свидетель. Возможно – первая зацепка к разгадке тайны её крови, к той цене, которую заплатил отец, и к истинным планам её биологического предка, который ждал, наблюдал, учитывал каждый её шаг в своей бесконечной книге.

Ивс молча кивнул. В его глазах, когда он смотрел на неё, не было вопросов. Было только понимание. Он знал, что значит нести бремя, которое не выбирал. Он знал, что значит быть частью системы, которая не спрашивает твоего согласия. Он знал, что значит искать ответы там, где их, возможно, нет.

Игра в бухгалтерию только что перешла на личный, глу-

боко болезненный уровень.

Глава 4. Семейный совет

Собрался семейный совет. Это не было официальным собранием, не было ритуала или церемонии – просто все, кто был в доме, почувствовали, что настал момент, когда нужно сесть за один стол, посмотреть друг другу в глаза и сказать то, что давно следовало сказать. В доме Назаровых такие советы собирались редко – только когда угроза становилась не просто внешней, а касалась самой сути их маленького, хрупкого мира.

За столом на кухне, пахнувшей вишнёвым вареньем и чуть пригоревшими блинами, сидели все, кого Алия считала своей настоящей семьёй. Не той, что записана в документах, не той, что передаётся по крови, а той, что была выбрана сердцем, выстрадана, завоёвана. Кухня, которая всегда была самым тёплым местом в доме, сейчас казалась ещё теплее – от напряжения, от близости тел, от того, что каждый чувствовал: то, о чём сейчас пойдёт речь, изменит их всех.

Святомир, массивный и непроницаемый, как скала, сидел во главе стола, и его огромные руки, покрытые шрамами, лежали на столешнице, сомкнутые в замок. Шрамы на его руках были не просто следами битв – они были картой его жизни, каждого боя, каждой потери, каждой победы. Он был одет в простую рубаху, но его плечи, его спина, его поза выдавали в нём воина, готового в любой момент встать на за-

щиту. Его лицо, высеченное из гранита, было спокойно, но в стальных глазах, когда они смотрели на Алию, читалось то, что он редко показывал: беспокойство. Беспокойство не за себя – за неё, за этот дом, за всех, кто стал его семьёй.

Ивс сидел на своём обычном месте – на специальной подушке, которую Ольга сшила ему из старого бархата. Его чёрный мех был тщательно приглажен, монокль – подарок Хозяйки Горы, который он надевал только в самых важных случаях, – сидел на своём месте, поблёскивая в свете лампы. Он выглядел как учёный джентльмен из забытой эпохи, готовящийся к защите диссертации перед строгим советом. Но в его жёлтых глазах, когда они встречались со взглядом Алии, была та же тревога, что и у Святомира. Он знал, что его ждёт путешествие в Башню – в то самое место, откуда он когда-то ушёл, решив, что практика в живом Доме интереснее теории в пыльных архивах. И он знал, что это путешествие может стать последним.

Ольга, отложившая вязание, сидела на краю стула, её руки были сложены на коленях, и в её тёмных, глубоких глазах, которые видели столько, сколько не видел ни один человек в этом доме, стояли слёзы. Она не плакала – она ждала. Ждала, когда Алиа скажет то, что должна сказать. Ольга была душой этого дома, его сердцем, его памятью, и сейчас она чувствовала, как что-то тёмное и холодное приближается к её сердцу, как тень, которая не отбрасывает света.

Ясный, занявший позицию на спинке стула Алии, как

живой, мурлыкающий геральд, был необычно серьёзен. Его изумрудный гребень был приподнят, перья на загривке топорщились, а в глубине горла мерцал слабый, зеленоватый свет. Он чувствовал напряжение, чувствовал, что сейчас произойдёт что-то важное, и готовился к этому всем своим существом. Его глаза, огромные, как две луны, следили за каждым движением, за каждым словом, за каждым вздохом.

Алия сидела во главе стола, напротив Святомира, положив перед собой на скатерть ту самую монету. Она казалась крошечной и незначительной на фоне керамических тарелок, вишнёвого варенья и стопки блинов, которые Ольга, несмотря ни на что, продолжала подогревать, но все взгляды были прикованы к ней. Скатерть была льняной, с вышитыми обережными символами – Ольга вышивала их сама, вплетая в каждую нить заклинания защиты. И сейчас, в свете лампы, эти символы, казалось, светились, готовясь впитать в себя ту боль, которую сейчас произнесут вслух.

«Отец, когда оставил меня у детского дома... я в кармане нашла эту монету, – начала Алия, и её голос был ровным, почти отчётным, но под ним чувствовалась дрожь пятилетней девочки, которая стояла на пороге незнакомого здания и не понимала, почему папа уходит. – Что он тогда сказал, я не помню. Мне было почти шесть... нет, пять с половиной. Единственное, что помню: "Мне надо уйти. Так надо". И больше ничего».

Она замолчала, и тишина, которая наступила, была гу-

стой, вязкой, как смола. В этой тишине впиталась её давняя, закаменевшая боль, которую она носила в себе столько лет, что она стала частью её, как кость, как кровь, как дыхание. Боль, которая не уходила, не лечилась, не забывалась – она просто ждала, терпеливо, как ждёт кредитор своего часа.

«Я носила её как память, – продолжила Алия, и её голос стал тише, но от этого не менее твёрдым. – Как единственное, что у меня осталось от него. Я не знала, что это такое. Я не знала, что это... не просто монета».

Она подняла её, зажав между пальцами, и металл тускло блеснул в свете лампы. Свет лампы был жёлтым, тёплым, домашним, но на металле он отражался холодно, как на льду, как на зеркале, за которым кто-то стоял и смотрел.

«А сегодня я поняла. Посмотрела на неё и увидела... его. И Кощея. Они похожи. Не просто похожи – они связаны. Я не знаю, как, но я чувствую: эта монета – не память. Это... документ. Вексель. Квитанция об оплате».

Святомир смотрел на монету, и его стальные глаза сузились, анализируя не художественную ценность, а потенциал угрозы. Он видел много артефактов за свою долгую жизнь – и те, что несли защиту, и те, что несли смерть, и те, что были просто обманом, ловушкой, приманкой. Но эту монету он видел впервые. В ней не было ни магии, ни заклинаний, ни видимой силы – но в ней была тяжесть. Тяжесть, которая не поддавалась измерению.

«Такую я не встречал, – сказал он, и его голос был глухим,

как камни, падающие в глубокий колодец. – Не артефакт из арсенала Стражей, не оберег народной вязи, не платёжное средство в магических сделках. Чистая форма. Без отпечатка чужой воли... или с настолько глубоким отпечатком, что он не читается».

Он поднял взгляд на Алию.

«Я как Страж могу провести тебя к Вратам Архивов. Там, где хранятся самые старые записи, самые древние договоры, те, что были заключены ещё до того, как люди научились писать. Но полный доступ... это вне моей компетенции. Я – богатырь. Не архивариус. Его законы – его территория. Чтобы войти туда, где хранятся записи о крови Кощея, нужно не разрешение – нужно право. Право, которое либо даётся, либо... наследуется».

Ивс всё это время молчал, его взгляд скользил между монетой и лицом Алии. В его зелёных, слишком умных глазах что-то щёлкнуло – не догадка, а скорее, признание неизбежности. Он знал куда идти. И понимал, что идти придётся ему одному. В те места, откуда он когда-то ушёл, решив, что практика в живом Доме интереснее теории в Башне. В те места, где его могли не вспомнить с радостью.

«Мне... надо проверить кое-какие старые схемы, – тихо сказал он, вставая. Его движения были плавными, почти бесшумными, но в них чувствовалась та собранность, которая появляется у животных перед долгим, опасным переходом. – Извините».

Он взял Ольгу под локоть и мягко, но настойчиво увёл её на кухню. Шёпот их разговора долетал обрывками, как запахи из чужих домов, когда идёшь по улице в вечерний час:

«...приготовь, пожалуйста, сударыня, подношение для кошек. Самых уважаемых. Не тунеядцев-домоседов, а... учёных». – голос Ивса звучал непривычно серьёзно, без обычной насмешливости. «Сельдь малосольную, ту, что в банке с восковой печатью. И сливки из той глиняной крынки, что на верхней полке в кладовой. И... если есть, – он запнулся, будто признаваясь в чём-то постыдном, – тот сыр с плесенью, который ты припрятала для особого случая».

«Батюшки, – прошептала Ольга, и в её голосе не было удивления, лишь деловая озабоченность. – Да уж... пойдёт он, значит, в самую Башню? Сам-то вернётся? Не задержут? Не...» – она не договорила, но все поняли.

«Постараюсь, – был ответ, и в этом слове было столько обещания, сколько не бывает в самых длинных клятвах. – Я ведь... туда и принадлежу. В какой-то степени. И у меня есть старые заслуги. И долги. Которые пора оплатить».

Пока Ольга, бормоча что-то под нос о «гостях с перьями и хвостами», засуетилась у кладовой, Ивс вернулся в комнату. Он уже не выглядел просто тёплым, немного рассеянным молодым человеком, который любит поспать на печи и съесть лишнюю сметану. В его осанке появилась лёгкая, грациозная собранность, а взгляд приобрёл ту самую глубину,

которую обычно приписывают очень старым существам, видевшим то, что другим не дано.

«Лия, – сказал он, глядя прямо на неё, и в его голосе не было обычной мягкости, а была та самая, редкая твёрдость, которую она слышала только в самые опасные моменты. – Монету не показывай больше никому. Даже духам. Даже если они придут с дарами от Хозяйки. – Он взглянул на Святомира. – Ты прав. Это не просто металл. Это... может быть, чековая книжка. Или доверенность. Или ключ. Мне нужно сходить... домой. В мою старую библиотеку».

«Библиотеку?» – переспросила Алия. Она никогда не думала об Ивсе в таких терминах. Для неё он всегда был просто Ивсом – мудрым, насмешливым, преданным. Частью дома. Частью семьи. Частью её самой.

«Башня Учёных Котов, – пояснил он, и в углу его рта дрогнуло подобие улыбки – той самой, которой он улыбался, когда рассказывал ей о древних договорах или объяснял тонкости магического учёта. – Мы, знаешь ли, не только на печках греемся и миску выпрашиваем. Некоторые из нас ведут летописи. Особенно те, что связаны... с перераспределением магического капитала. С долгами богов и наследием смертных. Я был... аспирантом, пока не решил, что практика в живом Доме интереснее теории в Башне».

Ясный на спинке стула издал короткий, одобрителный звук, словно говоря: «Наконец-то заговорил». Он редко подавал голос, и сейчас его щелчок прозвучал в тишине как

выстрел.

«Опасность?» – одним словом спросил Святомир, и его рука, лежавшая на столе, сжалась в кулак.

«Есть, – честно признал Ивс. – Не все там обрадуются визитеру, который предпочёл полевое исследование академической карьере. И не все знания даются просто так. Придётся платить. – Он помолчал, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на грусть. – Но... у меня есть кое-какие старые заслуги. И подношение от Ольги. И... – он снова запнулся, – возможно, те, кто помнит меня, ещё не забыли, что я умею приносить пользу».

Алия смотрела на него, и вдруг острая, колющая боль вины пронзила её холодную аналитическую ярость. Из-за её прошлого, из-за её долгов, в рискованное путешествие отправлялся тот, кто был душой её Дома. Тот, кто варил кофе по утрам и смешивал всех именами. Тот, кто учил её видеть в магии не только силу, но и систему, баланс, порядок. Тот, кто был её другом.

«Ивс, ты не должен...» – начала она, но он перебил её, и это было так непохоже на него, что она замолчала.

«Должен, – мягко, но неоспоримо сказал он. – Это мой Дом. Моя семья. А в семье, – он бросил взгляд на Святомира, на Ольгу, появившуюся в дверях с узелком в руках, на Ясного, который смотрел на него своими изумрудными глазами, – долги одних становятся обязательствами других. Это тоже бухгалтерия, Лия. Просто счёт ведётся не в монетах, а

в тепле очага и верности. Я уйду с вечера. Вернусь к рассвету. Или... – он сделал паузу, и в его голосе прозвучала та самая, редкая нотка неуверенности, – пришлю весточку. Если смогу».

Он кивнул, взял у Ольги аккуратно завёрнутый узелок, от которого пахло рыбой, сливками и чем-то ещё, древним и уютным, как сама Башня, и, не надевая даже куртки, вышел в прихожую.

Но он не направился к двери. Он подошёл к самому тёмному углу, где висело старое, потёртое зеркало в простой раме – не магический артефакт, не подарок Хозяйки, а самое обычное стекло, которое Ольга протирала каждую субботу, ворча, что «зеркало зеркалом, а пыль на нём как на любом другом». Ивс посмотрел в него, и его отражение вдруг дрогнуло, поплыло.

На мгновение в зеркале мелькнул не уютный прихожая дома Назаровых, а бесконечные стеллажи из тёмного дерева, уходящие ввысь, и множество светящихся в полумраке глаз – сотни, тысячи глаз, которые смотрели оттуда, из глубины, из того мира, где знание было не просто информацией, а живой, дышащей субстанцией. Глаза были разными – жёлтыми, зелёными, голубыми, – но в них было что-то общее: холодная, бесконечная мудрость существ, которые видели слишком много, чтобы удивляться, и слишком хорошо знали цену всему, чтобы сочувствовать.

Затем Ивс шагнул вперёд – и растворился. Зеркало сно-

ва стало просто зеркалом, в котором отражалась пустая прихожая, вешалка с куртками и полка для обуви. Только лёгкое, едва уловимое дрожание воздуха напоминало о том, что только что здесь произошло нечто, выходящее за пределы обыденного.

В кухне воцарилась тишина. Теперь их было четверо. Вернее, пятеро, включая Ясного.

«Значит, так, – нарушил молчание Святомир, и его голос, низкий и твёрдый, прозвучал как приказ. – Пока кот-учёный ищет ответы в книгах, мы подготовим периметр. Полную проверку всех активов. Начиная с этой избы и заканчивая твоим кольцом и гребнем. Если эта монета – ключ, то нельзя допустить, чтобы он подошёл к чужой двери. Ольга!»

Домовая тут же появилась в дверном проёме, вытирая руки об фартук. Её лицо было спокойно, но в глазах, тёмных и глубоких, читалась та же решимость, что и у всех.

«Что, сударь?»

«Твой золотой покров. Он может скрывать не только зеркала? Может ли он скрыть весь дом? Сделать его... невидимым для тех, кто ищет?»

Ольга задумалась. Её руки, привыкшие к тесту, к вязанию, к уборке, замерли на фартуке. Потом её лицо озарилось пониманием.

«От посторонних глаз-то? Да запросто! – сказала она, и в её голосе прозвучала та уверенность, которая бывает у мастеров своего дела. – Весь дом, как праздничный пирог, в

узорную плёнку завернуть можно! Только... энергетику домашнюю подпитывать надо будет. Блинами, да песнями, да миром в стенах. А если кто из своих уйдёт да вернётся – плёнка его пропустит, она на кровь отзывается, на память».

«Хорошо, – Святомир повернулся к Алии. – Твоя задача, бухгалтер: пока мы укрепляем стены, ты просчитывай риски. Все возможные последствия, если монета – это долговая расписка Кощея. Все сценарии. От лучшего до худшего. Мы должны быть готовы ко всему. Даже к тому, чтобы... оспорить счёт».

Алия взяла монету. Она всё ещё была холодной. Но теперь в этой прохладе чувствовалась не только тайна и угроза, но и... точка опоры. За неё уже боролись. Не она одна несла этот долг. Она посмотрела на Святомира, на Ольгу, на Ясного, который смотрел на неё своими изумрудными глазами, и почувствовала, как внутри неё, там, где ещё недавно была только усталость и страх, разгорается что-то новое. Решимость. Холодная, спокойная, неумолимая.

«Принято, – сказала она, и в её голосе снова зазвучала твёрдость. – Начинаем аудит».

Глава 5. Путь в Башню

В доме Назаровых наступила та особенная, звенящая тишина, которая бывает только когда из него уходит кто-то из своих. Не просто физически исчезает – уходит в мир, где обычные законы перестают действовать, где время течёт иначе, где каждый шаг может стать последним. Ивс стоял перед большой картиной в резной раме, висевшей в самом дальнем углу гостиной – там, куда редко заглядывало солнце и где даже пылинки, казалось, замирали в почтении.

На полотне, написанном маслом по старому, потемневшему от времени холсту, был изображён густой, почти изумрудный лес. Деревья в этом лесу были не такими, как в обычной чаще – их стволы переплетались в причудливые арки, ветви тянулись друг к другу, словно шептались о чём-то сокровенном, а в сердце леса возвышался исполинский дуб, ствол которого обвивали толстые золотые цепи. Цепи не были нарисованы – они были частью самого полотна, выпуклыми, тяжёлыми, и когда Ивс смотрел на них, ему казалось, что он слышит их тихий, едва уловимый звон – звон, который был старше любой музыки, старше любых заклинаний, старше самого времени.

Картина обычно казалась просто странным, слегка сказочным декором, который Ольга повесила «для красоты», когда-то давно, ещё до того, как Алия появилась в этом до-

ме. Но сейчас она излучала едва уловимый, зовущий гул, как раскалённые провода перед грозой, как звук, который слышишь не ушами, а всем телом – костями, кровью, самой душой. Этот гул был призывом и предупреждением одновременно. Он звал домой – и предупреждал, что дом этот не для всех.

Кот был одет с непривычной торжественностью. Зелёный свитер тончайшей вязки, работы Ольги, облегал его стройную, гибкую фигуру. По горловине, манжетам и по краю свитера бежала сложная золотая вязь – не просто узор, а старинные формулы защиты и принадлежности. Эти формулы были вытканы нитями, в которые была вплетена магия самого Дома – магия, которая помнила каждого, кто когда-либо жил под этой крышей. В глазу поблёскивал монокль из полированного горного хрусталя – подарок Хозяйки Горы, которую Ивс когда-то выручил из беды, рискуя собственной шкурой. Монокль был не просто украшением – он позволял видеть скрытые слои реальности, те самые, где знания хранились не в книгах, а в самой ткани бытия.

В лапе он сжимал узелок с подношением – в нём были не только сельдь и сливки, которые просил Ивс, но и то, что Ольга добавила от себя: пирожок с рыбой, завернутый в чистую льняную ткань, вышитую обережными символами, и маленькую баночку с мёдом, собранным с её собственных пчёл – тех самых, которые жили в ульях за домом и чей мёд обладал способностью открывать закрытые пути. Ольга

знала, что в Башне Учёных Котов такие подношения значат больше, чем золото или магические артефакты. Они значат уважение к традиции, к порядку, к тем древним законам, которые старше самого Кощея.

Он выглядел как учёный джентльмен из забытой эпохи – из тех времён, когда знание было не просто информацией, а священнодействием, когда книги целовали перед чтением, а за каждой строчкой видели не буквы, а живую душу. Он собирался не на прогулку и не на защиту диссертации перед строгим советом. Он собирался на дуэль – дуэль с системой, которая была его домом, его тюрьмой, его судьбой.

Но в его глазах, когда он смотрел на картину, не было ни академического хладнокровия, ни привычной насмешливости, которой он прикрывал свою душу от чужих взглядов. Была только решимость, смешанная с чем-то ещё – с тоской по дому, который он покинул много лет назад, со страхом перед встречей с теми, кто его помнил, и с тем особым, щемящим чувством, которое бывает у возвращающихся. Возвращение всегда труднее ухода. Уходя, ты смотришь вперёд. Возвращаясь, ты смотришь в прошлое – и прошлое смотрит на тебя.

«Я пошёл», – сказал Ивс, и его голос, обычно такой мягкий и ироничный, был теперь твёрдым, как сталь клинка, который он никогда не носил. Но в его глубине слышалось не только напряжение предстоящего испытания, но и беспокойство. Не за себя. За тех, кого он оставлял здесь, уязвимых, с

неразгаданной монетой на столе, с нависшей над ними тенью Кощея, которая с каждым часом становилась всё длиннее, всё чернее, всё неотвратимее.

Алия коротко, как салют, кивнула. В её серых глазах, которые могли быть такими холодными и расчётливыми, сейчас плескалось что-то, что она не показывала никому – даже себе. Благодарность. Страх. И та самая, глубокая, как колодец, нежность, которую она прятала под слоями бухгалтерских отчётов и аналитических схем. Все слова были уже сказаны. Все расчёты – сделаны. Оставалось только ждать. Ждать, когда он вернётся – или когда придёт весточка. Ждать, когда тишина в доме станет невыносимой. Ждать, когда каждый скрип половицы, каждый шорох за окном будет казаться его шагами.

Святомир, стоявший навытяжку, сжал кулаки так, что костяшки побелели, а на тыльной стороне ладоней вздулись шрамы – старые, давно зажившие, но всё ещё помнящие боль. Его лицо было каменным, как скала, которую не могут сдвинуть ни ветры, ни время, но в стальных глазах, когда они смотрели на Ивса, читалось то, что он редко показывал: беспокойство за того, кого считал не просто союзником, а другом. Другом, который уходит в неизвестность, оставляя за спиной только запах кошачьей мяты и шорох мягких лап по деревянному полу.

«Держись, брат», – прорвалось у него сквозь сжатые зубы. Это было больше, чем пожелание. Это был приказ. Это бы-

ла молитва. Это было обещание, что если Ивс не вернётся, Святомир сам пойдёт в Башню и вытащит его оттуда – даже если для этого придётся сражаться со всеми котами, со всеми архивами, со всей системой.

Ольга, стоявшая чуть позади, сложила руки на крахмальном фартуке, и её губы беззвучно прошептали что-то – то ли молитву, то ли заговор, то ли просто слова, которые матери говорят детям, когда те уходят в долгий путь. Её глаза, тёмные и глубокие, как лесные омуты, были полны слёз, но она не плакала. Она знала: слёзы сейчас – это слабость, а слабость – это трещина в защите. А её дом, её семья, её маленький, хрупкий мир не могли позволить себе ни одной трещины.

«Ступай с Богом, котик учёный, – прошептала она. – И назад возвращайся. Живой. Или хоть с весточкой».

Ясный, сидящий на спинке кресла, нервно дёргал перьями на холке, его хвост бил по воздуху тяжёлыми ударами, и в глубине горла мерцал тот самый, зеленоватый свет, который появлялся только в моменты предельного напряжения. Этот свет был его магией, его защитой, его сутью – и сейчас он пульсировал в такт его сердцу, которое билось быстрее обычного. Он смотрел на Ивса, и в его изумрудных глазах было то, что нельзя было перевести на человеческий язык, но можно было только чувствовать: «Возвращайся. Ты нужен здесь. Ты нужен мне».

Ивс сделал глубокий вдох, чувствуя, как воздух наполня-

ет лёгкие – тёплый, домашний воздух, пахнувший блинами, вишнёвым вареньем и Ольгиными травами. Он запомнил этот запах. Он уносил его с собой, как талисман, как якорь, как обещание, что он вернётся. Поправил монокль, который вдруг показался тяжелее обычного, и, не оглядываясь, шагнул вперёд – не к картине, а в неё.

Холст не оказал сопротивления. Он принял его, как вода принимает камень, как сон принимает спящего, как память принимает забытое. На мгновение Ивсу показалось, что он проваливается в бездну – не холодную и пустую, как пустота Отката, а тёплую, живую, полную шёпота и шорохов, будто тысячи голосов шептали ему на ухо древние, забытые слова. Изображение заволновалось, заколыхалось, ветви дуба на миг шевельнулись, и золотые цепи тонко звякнули, будто издалека, будто из другого времени, будто из того самого сна, который снится всем котам, когда они сворачиваются клубочком у печи.

Затем картина застыла, снова став просто изображением – лесом, дубом, цепями, тишиной. Ивса в комнате не было.

Тишина, наступившая после его ухода, была особой. Густой, звенящей, наполненной отсутствием. Будто из дома вынули что-то важное, что-то, без чего воздух становился другим – спёртым, тяжёлым, неполным. Теперь их щит – не магический, а эмоциональный – был временно ослаблен. Им предстояло ждать. И готовиться.

Алия медленно выдохнула, впервые за несколько часов

осознав, как сильно она сжата внутри. Она позволила своему якорю, части души этого Дома, уйти в опасность из-за её прошлого, из-за её крови, из-за монеты, которую отец сунул ей в карман много лет назад, даже не подозревая, какой груз он на неё возлагает. В её груди, там, где должно было быть сердце, теперь была пустота – пустота, которую не могли заполнить ни расчёты, ни балансы, ни бесконечные попытки учесть всё, что нельзя учесть.

«Он сильнее, чем кажется, – сказал Святомир, словно уловив её мысли. Его взгляд был прикован к картине, к тому месту, где только что исчез Ивс. – И у него есть преимущество: там его считают своим. Пока».

Он развернулся, и его голос снова приобрёл командные, деловые нотки – те самые, которые он использовал, когда отдавал приказы в бою, когда не было времени на сомнения и колебания.

«Ольга. Покров. Начинай с верхних этажей. Я проверю фундамент и границы участка. – Он повернулся к Алии. – Алия... ты води главную книгу. Записывай всё: каждое изменение в энергии дома, каждую мысль о монете, каждое воспоминание об отце, даже самое мимолётное. Если это ключ, то воспоминания – отмычки. Не дай им ускользнуть».

Алия кивнула, сжимая в ладони холодный металл. Монета лежала на её раскрытой ладони, тускло блестя в свете вечернего солнца, и казалась такой невинной, такой обычной. Но она знала: за этой обычностью скрывается нечто большее.

Нечто, что связывает её с Кощеем, с отцом, с той самой кровью, которая текла в её жилах и которую она не выбирала. Кровь, которая была её наследием и её проклятием. Кровь, которая требовала платы.

Теперь её война шла на двух фронтах: внешнем – с помощью Святомира и Ольги, и внутреннем – в архивах собственной памяти и в ледяной логике унаследованной бухгалтерии. Она должна была не просто защищать дом – она должна была понять, кто она на самом деле. И цена этого понимания могла оказаться выше, чем она была готова заплатить.

А картина с дубом в золотых цепях тихо висела на стене, став немым напоминанием и окном в неизвестность. Они могли только ждать. И готовиться. Рассвет был ещё далеко.

Глава 6. Зелёный Дуб

Переход через картину был подобен падению сквозь слои времени. Ивс чувствовал, как его тело – кошачье, гибкое, привыкшее к магии – сжимается, вытягивается, перетекает из одной формы в другую, будто его пропускали через тончайшее сито, сквозь которое проходят только те, кто имеет право. Вокруг него мерцали обрывки видений: чьи-то лица, чьи-то голоса, чьи-то жизни, которые были записаны в самой ткани этого перехода. Он узнавал некоторые из них – голоса тех, кто когда-то был его учителями, его друзьями, его врагами. Они шептали ему на ухо древние, забытые слова, предупреждения и проклятия, благословения и обещания.

Затем всё стихло. И он оказался там.

Ивс стоял у подножия Зелёного Дуба, и даже ему, видевавшему многое на своём долгом веку, это зрелище внушало благоговейный трепет – тот самый, который испытывают даже древние существа перед лицом того, что старше их. Дерево было не просто большим. Оно было осью мира – той самой точкой, вокруг которой вращались все реальности, все измерения, все возможные и невозможные миры. Его ствол уходил в облака, теряясь в вышине, где даже магия становилась разреженной, как воздух на вершине самой высокой горы. А его корни, должно быть, пронизывали самые основы реальности, уходя в те слои бытия, где время течёт иначе, где

законы физики – лишь одна из многих песен, которые поёт мироздание, где даже смерть теряет свою власть.

Ветви, каждая толщиной с городскую магистраль, терялись в вышине, и на них, словно спелые плоды, висели бесчисленные купола, шпили и галереи Башни – не построенной, а выросшей из самого дерева, как кристаллы из перенасыщенного раствора, как мысли из тишины, как сны из ночи. Купола были разного цвета – золотые, серебряные, изумрудные, – и каждый из них светился своим, особенным светом, который был не просто светом, а знанием. Знанием, которое накопилось за тысячелетия, которое ждало тех, кто умеет читать.

Кора Дуба была испещрена письменами – не вырезанными, а проступившими изнутри, как морозные узоры на стекле в самый холодный день. Ивс знал, что это не просто украшение. Это были законы, по которым жила Башня. Тысячи, десятки тысяч правил, каждое из которых было не прихотью, а необходимостью, без которой система, сложнее любой человеческой цивилизации, рухнула бы в хаос. Законы были записаны на десятках языков – живых и мёртвых, человеческих и не очень, – и некоторые из них были такими древними, что даже Ивс, с его знаниями, не мог прочесть их без помощи специальных артефактов.

Ствол оплетали кольца золотых цепей, каждое звено размером с речной катер. По этим цепям, словно по монорельсам, двигались коты. Чёрные, как смоль, в строгих очках и

с свитками в зубах – секретари-законники, хранители процедур, чья память хранила не столько знания, сколько порядок их применения. Их движения были точными, выверенными, лишёнными суеты – они знали, что любое отклонение от правил может привести к катастрофе. Белые, как первый снег, с мягкими, целительными аурами – учителя-целители, те, кто лечил не только тело, но и душу, и память, и ту тонкую ткань, которая связывает магию с её носителем. В их глазах была та особая, спокойная мудрость, которая приходит только после долгих лет служения другим.

И рыжие. Их было меньше, но они бросались в глаза своей пламенной, небрежной грацией – грацией существ, которые знают, что правила писаны не для них. Рыжие подчинялись только Боюну, Хранителю Некодифицированных Знаний, и правил для них, по слухам, не существовало. Они были теми, кто создавал новое, кто нарушал порядок, чтобы потом восстановить его на новом уровне. Они были хаосом внутри порядка – и именно этот хаос делал Башню живой.

Воздух гудел от низкого, размеренного гудения – звука вращающихся картотек, шуршания бесчисленных страниц и тихой, настойчивой речи, читающей вслух на тысячах языков одновременно. Этот гул был голосом самой Башни – голосом, который помнил всё, что когда-либо было записано, и ничего, что было забыто. Здесь, в этом гуле, смешивались все знания мира – и те, что были записаны в книгах, и те, что передавались из уст в уста, и те, что хранились только в па-

мяти древних существ, которые никогда не говорили на языке людей. Знания были не просто информацией – они были живыми существами, которые рождались, жили и умирали, как всё в этом мире.

Ивс, подавив врождённое желание свернуться клубочком в безопасном углу – желание, которое было в нём сильнее любых инстинктов, потому что оно было инстинктом выживания, – выпрямил спину и подошёл к стойке администрации. Каждый его шаг отдавался эхом в тишине – тишине, которая была громче любого крика. Он чувствовал на себе сотни взглядов – любопытных, оценивающих, враждебных, – и каждый взгляд был как игла, как вопрос, как требование объяснить, почему он здесь, почему он вернулся, почему он посмел.

Стойка была вырезана из цельного куска янтаря, внутри которого навеки застыли древние, мудрые мошки – не просто насекомые, а свидетели тех времён, когда мир был молод, а магия – не системой, а дыханием. Внутри янтаря, когда Ивс смотрел достаточно долго, начинали проступать очертания – не мошек, а чего-то большего, чего-то, что было запечатлено в смоле миллионы лет назад и теперь ждало своего часа. За стойкой восседала пожилая кошка черепахового окраса в пенсне на цепочке. Её взгляд был абсолютно непроницаемым – таким бывает взгляд у существ, которые видели слишком много, чтобы удивляться, и слишком хорошо знали цену всему, чтобы расточать улыбки.

«Великая Библиотека, – проговорила она голосом, похожим на шелест пергамента, на шорох страниц, которые переворачивает невидимая рука. – Предъявите ваш реквизит».

Реквизит. Грамота принадлежности. Не пропуск, а доказательство права на доступ, выписанное на тончайшей кошачьей шкурке и заверенное когтем Старшего Архивариуса. Без него даже сам Боюн не мог войти сюда – таков был закон, древнее самого Кощея, закон, который не знал исключений, потому что исключения разрушают систему.

Ивс молча достал из внутреннего кармана свитера небольшой, тщательно свёрнутый трубкой документ, опечатанный воском с оттиском лапы. Воск был старым, потрескавшимся, но печать сохранилась – оттиск лапы, которая принадлежала существу, которого уже не было в живых. Он положил документ на стойку. Его собственная лапа, одетая в изящный кожаный чехол, расшитый серебряной нитью, не дрожала, но внутри всё было сжато в один тугий, тревожный узел. Документу было много лет – он помнил времена, когда Ивс был молод, когда он только начинал свой путь в Башне, когда он верил, что знание – это всё, что нужно для счастья. Теперь он знал, что знание – это только начало. А счастье – это нечто совсем другое.

Пока администратор снимала пенсне, чтобы внимательно изучить печати и вязью выведенные слова, Ивс стоял по струнке смирно. Он чувствовал, как его сердце бьётся где-то в горле, как дыхание становится прерывистым, как шерсть

на загревке встаёт дыбом – не от холода, а от напряжения. Он чувствовал на себе десятки взглядов: любопытных, оценивающих, а некоторых – откровенно недоброжелательных. Он был возвращенцем. Тем, кто променял вечность познания на преходящие дела смертных, на «полевую работу», на дом, где пахло блинами и ворчала домовая, где по ночам за окнами шумел город, а не шелестели страницы бесконечных фолиантов. В Башне такое не прощалось легко. Но и не забывалось – его старые заслуги, его острый ум и умение находить связи между, казалось бы, несвязуемыми событиями, тоже были внесены в реестр. В том самом реестре, который хранился здесь, под золотыми цепями, в недрах Зелёного Дуба.

Администратор что-то пробормотала себе под нос, сверяя что-то с огромным фолиантом, страницы которого перелистывались сами, подчиняясь невидимой воле. Фолиант был размером с небольшой дом, и его страницы, сделанные из кожи неведомого зверя, шелестели, как листья на ветру, как крылья бабочек, как голоса тех, кто уже ушёл. Наконец, она подняла на него взгляд.

«Реквизит действителен. – Её голос был сух, но в нём прозвучала та нотка, которую Ивс не мог не распознать: уважение. Старые заслуги имели вес даже здесь. – Доступ – ограниченный. Личный кабинет и читальный зал некодифицированных долговых обязательств до уровня "Сомнительные активы божественного уровня". Всё, что выше – только по устному ходатайству Боюна».

Она сухо кашлянула, и в этом кашле Ивс услышал то, что она не сказала вслух: «Или если ты готов рискнуть всем, включая свою шкуру».

«Цель визита?»

Ивс выпрямился. Его голос, когда он заговорил, был ровным, чётким, лишённым той мягкой иронии, которую он так любил использовать в Доме. Здесь, в Башне, ирония была роскошью, которую могли позволить себе только рыжие – и то не всегда.

«Консультация по идентификации и трассировке потенциального нумизматического актива внесистемного происхождения, – отрапортовал он, и каждое слово было выверено, как удар меча, как пункт договора, как строчка в балансе. – С предположительной привязкой к личностям уровня Архивариуса».

У администратора дрогнул ус. Уровень «Архивариуса» был в Библиотеке темой особой, почти табуированной. Его законы были проще законов Башни, но и опаснее. Потому что Архивариус – Кощей – был не просто хранителем. Он был тем, кто писал законы. И его личные активы, его личные долги, его личные сделки не подлежали обсуждению. Никем. Никогда.

«Категория запроса... – она помедлила, и Ивс почувствовал, как напряжение в зале возросло. Даже те, кто делал вид, что не слушает, сейчас притихли, ловя каждое слово. – "Теневой капитал", – наконец вынесла она вердикт и шлёпнула

лапой по маленькому колокольчику. Звук был негромким, но он разнёсся по всему залу, проникая в самые дальние углы, в самые глубокие хранилища, в те места, где даже эхо боялось звучать. – Проводник! К гостю!»

Из тени за стойкой выплыл молодой, тощий котёнок угольно-чёрного окраса с табличкой «Стажёр» на ошейнике. Его глаза, жёлтые и слишком большие для его мордочки, смотрели на Ивса с той смесью любопытства и страха, которая бывает у молодых существ, впервые столкнувшихся с тем, о ком ходят легенды. Он был так молод, что, наверное, даже не знал, кто такой Ивс – а может быть, знал и именно поэтому боялся.

«Следуйте за Филином, – сказала администратор, возвращая Ивсу документ. Её голос был всё так же сух, но в нём прозвучало то, что можно было принять за предостережение. – И помните: любое копирование, любая попытка вынести информацию помимо утверждённых каналов... карается списанием в категорию "Расходный материал" для экспериментов рыжих».

Она сделала паузу, и её глаза, старые, мудрые, встретились с глазами Ивса.

«Удачного дня».

Её тон не обещал ничего хорошего. Ивс кивнул, сунул реквизит обратно в карман свитера и пошёл за быстро меняющим стажёром вглубь гигантского, бесконечного зала, где знание было не светом, а тяжёлым, давящим грузом, вися-

щим на золотых цепях порядка. Он пришёл за ответами. Но сначала ему предстояло пройти через бюрократический ад своей же святой святых.

Глава 7. Рыжая помощь

Ивс сидел за грубой деревянной скамьёй, заваленной фолиантами, свитками и стопками пыльных папок. Его зелёный свитер был покрыт серой пылью веков – той самой пылью, которая оседает на книги, которые никто не открывал столетиями, и которая пахнет не просто старостью, а забвением. Монокль давно был снят и лежал где-то под грудой бумаг, утопая в ворохе пергаментов, которые он уже просмотрел и отложил как бесполезные. Он даже не помнил, когда снял его – может быть, вчера, может быть, неделю назад. Время здесь текло иначе, и дни сливались в один бесконечный, серый поток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.